

RU

«Глаголом жги сердца людей...»:
к 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина

Демченко А. И.

Аннотация. В предлагаемой статье акцентируются те стороны наследия великого поэта, которые были обращены к художественному анализу теневого бытия своего времени. Это касалось и жизни светского общества, но прежде всего и особенно – целого ряда негативных аспектов социума николаевской эпохи, в чём позиция Пушкина была очень близка декабристскому движению. Всеми силами протестуя против изъянов окружающего его мира, он вместе с тем был далёк от иллюзий скорого их искоренения ввиду особой ментальности россиянина. При всём том само по себе появление «солнца русской поэзии» на горизонте отечественной истории внушало определённый оптимизм в её перспективах.

EN

“With righteous Word sear hearts of men...”:
On the 225th anniversary of A. S. Pushkin’s birth

A. I. Demchenko

Abstract. The article focuses on the aspects of the great poet’s legacy that were directed towards the artistic analysis of the shadow problems of his time. This pertained to the life of high society but primarily and especially to a number of negative aspects of the society of the Nicholas era, in this Pushkin’s position was very close to the Decembrist movement. Strongly protesting against the shortcomings of the world around him, he was also far from illusions that these shortcomings could soon be eradicated on account of a particular mentality of Russians. Nevertheless, the emergence of the “sun of Russian poetry” on the horizon of national history itself inspired a certain optimism about its prospects.

Обычно мы воспринимаем поэзию Александра Сергеевича Пушкина как нечто светоносное, солнечное, наполненное ярко выраженным жизнелюбием. Но рядом с тем не так уж редко в его наследии встречаются и такие строки: *«Не мил мне сладкой жизни сон... на всё подвѣмлю взор угрюмый... Дух отрицанья, дух сомненья...»*.

Винить в этой нерадостной настроенности только человека, пусть даже вечно неудовлетворенную личность байронического типа, обрисовке которой Пушкин отдал немалую дань, невозможно. Очевидно, и в самой жизни было то, что давало почву для «хандры», недовольства и ностальгии по «нездешнему». Отсюда – естественное стремление поэта выявить тёмные стороны существования тех лет, вскрыть его подноготную.

Начинал это «расследование» Пушкин с той среды, в которой вращался больше всего – светское общество. Наиболее полная картина его жизни представлена в романе «Евгений Онегин» (1823-1831) и во многом через фигуру Онегина, когда тот отдавал щедрую дань обязанностям «комильфó» (от французского выражения, означающего соответствие приличиям светской жизни).

Этот пушкинский персонаж в юные лета с наслаждением окунулся в атмосферу большого света, в которой чувствовал себя как рыба в воде, поскольку научился –

*Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С учёным видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнём нежданных эпиграмм.*

По поводу поверхностной образованности дворянства своего времени Пушкин бросает знаменитое: «*Мы все учились понемногу // Чему-нибудь и как-нибудь...*». Сам он стремится отмежеваться от Онегина, предупреждая, дабы не подумали, «*что намарал я свой портрет*».

Тем не менее отдельные реплики изобличают порой поразительное сходство автора со своим героем (из только что приведенных строк: «*...возбудать улыбку дам // Огнём неожиданных эпиграмм*»). Текст романа изобилует такими «саморазоблачениями».

*Ах! долго я забыть не мог
Две ножи... Грустный, охладель,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.*

Разумеется, к жизни «большого света» был причастен не только вымышленный Онегин – в его портрете нередко угадываются черты «автопортрета» самого поэта. В том числе по части «*науки страсти нежной*», то есть любовных игр.

*...в чем он истинный был гений,
Что знал он твёрже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень...*

Флирт, волокитство – вот важнейший пункт существования светского человека. Важнейший настолько, что это могло становиться основным смыслом жизни («*Что занимало целый день...*»). И Пушкин раскрывает секреты «мастерства», которым так славится Франция.

*Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!..*

*Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять...*

*Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!*

Тщательно выверенное лицедейство, своего рода театр с изощрённой актерской игрой и подчас настоящими военными действиями: осада, приступ, ложный манёвр, перегруппировка «войск», изменение тактики и т. п. (в данном случае не исключено знакомство Пушкина с романом Ш. де Лакло «Опасные связи»).

И завершающий штрих уклада жизни юного Онегина как представителя «золотой молодежи» того времени:

*...шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова...*

Истинная суть этой внешне блестящей и занимательной круговерти с её ветреностью, пестротой и пустотой становится ясной из слов Татьяны, сказанных ею во время последней встречи с Онегиным, когда она сравнивает свою нынешнюю великосветскую жизнь с жизнью прежней, в сельском уединении.

*А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада*

В каждом слове таится намёк на действительный факт или черту характера. «Полу-милорд» – Воронцов был сыном русского посла в Великобритании, где и получил образование, оставшись в дальнейшем англоманом. «Полу-купец» – будучи губернатором, он принимал участие в торговых операциях. И т. д. Пушкину во время южной ссылки пришлось служить в канцелярии графа – тот возненавидел его, на что поэт ответил по достоинству.

Поднимаясь мысленным взором к вершине общественно-социальной пирамиды, Пушкин чаще всего находит власть предрержащих обуянными своеволием, корыстью, жестокостью. Об этом с особой заострённостью рассказывается в романтической притче «Анчар» (1828).

Как гласит примечание самого поэта, анчар – «древо яда». Древо страшное – природа «его в день гнева породила» и всё вокруг бежит этого «древа смерти», но...

*Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом.
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом...*

*Принёс – и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.*

*А царь тем ядом наплатил
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.*

Пушкин специально обращается здесь к образу восточной деспотии, особенно откровенной в своём бездушии к человеку, чтобы подчеркнуть: нет предела негуманности власти, морального закона для неё не существует, жизнь человеческая для неё – ничто. Более того, поэт полагает, что власть остаётся преступной даже тогда, когда она хотела бы быть «благой». Примером тому он приводит русского царя, давшего имя его трагедии «Борис Годунов» (1825).

Здесь во всей очевидности вскрыт механизм власти, пути её достижения, сложные взаимоотношения верховного правителя с ближайшим окружением и народом. Пройдя все ступени политической карьеры, Борис приходит к циничному выводу:

*Милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже...*

Как и все передовые умы своего времени, главное зло России Пушкин видел в крепостничестве. Ещё всего двадцати лет в стихотворении «Деревня» (1819) он даёт полный очерк социального состояния страны. Стихотворение написано в любимом им Михайловском, родовом имении Пушкиных на Псковщине, и потому открывается идиллической картиной.

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.*

Тем неожиданнее на фоне этого «довольства» встаёт картина прямо противоположная.

*Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слёз, не внемля стона,
На пагубу людей избранный судьбой,
Здесь **барство** дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачит по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.*

Пусть не кажутся излишними некоторые разъяснения:

- «друг человечества» – поборник гуманности, ходовое речение из просветительского лексикона;
- «присвоило себе насильственной лозой» – имеются в виду розги как средство физического наказания и как символ крепостного права;
- «рабство тощее» – до предела скудное существование обнищавшего крестьянства;
- две последние строки напоминают о варварском обычае «первой ночи», когда невесту перед замужеством отдавали на заклание барину.

Поэт преподаёт настоящий урок политической экономии, вскрывая язвы социального устройства с конкретными выкладками, сделанными под впечатлением от «псковского хамства» (выражение Пушкина).

Настойчивый усилительный повтор слова *здесь* указывает адресат обличения (у нас, в отечестве), а сам объект («**барство** дикое» – подчёркнуто автором) бичуется с предельной экспрессией («*мысль ужасная... убийственный позор*»), подготавливающей гневный пафос заключительных строк (слово *витийство* означает в данном случае *красноречие, дар убеждения*).

*О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?*

В скорбной настроенности этих страстных взываний зафиксировано верное ощущение нескорого ещё избавления от крепостничества (оно будет отменено только через четыре с лишним десятилетия). Верным был и исторический прогноз, что произойдет это «*по манию царя*», то есть по указу самодержца.

В стихотворении «Деревня» высказано то, чем жили и о чём мечтали лучшие современники поэта – декабристы. И по его творчеству можно в подробностях проследить всю траекторию этого первого в России революционного движения.

Когда только ещё зарождалась его идея, тогда и у пятнадцатилетнего Пушкина просыпается пафос свободолюбия. В стихотворении «Лицинию» (1815), обращаясь к истории Древнего Рима, склонившегося перед тиранией императорской власти, он горячо прокламирует свою собственную позицию: «...я рабство ненавижу... кипит в груди свобода».

Два года спустя юный поэт создает оду «Вольность» (1817), где идея антидеспотизма выражена с исключительной силой. В этом стихотворении автор вначале обращается к самому себе с призывом весь свой пыл направить на гражданские идеалы (*Цитера* – одно из имён богини любви Афродиты).

*Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.*

Затем автор с пламенным темпераментом обрушивается на этот порок. Формальные адресаты его яростных инвектив – уже сошедшие с исторической сцены французский король Людовик XVI и русский император Павел I. Но объективно пафос поэта направлен против современной ему самодержавной власти, о преступлениях которой он говорит без малейших околичностей.

*Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть...*

Высокий слог, наследованный от одической риторики Г. Державина и от оды А. Радищева того же названия («Вольность», 1783), преобразован здесь в буквально бичующий ямб.

*Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле.*

В качестве одной из кульминаций звучит открытый призыв к революционному действию.

*Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падишие рабы!*

Для российского менталитета тех времен – радикализм просто невероятный, за что поэт закономерно поплатился своей первой ссылкой. Столь же закономерен и тот факт, что стихотворение это было опубликовано впервые только в годы Революции 1905-1907 годов, но после своего создания широко распространилось в списках.

К одическому стилю Пушкин неоднократно прибегал для выражения своих гражданственных устремлений и впоследствии. Так, под впечатлением казни пяти декабристов и ссылки многих других на каторгу в Сибирь он пишет программное стихотворение «Пророк» (1826), утверждая высокое призвание поэта через обобщённый библейский образ проповедника правды и беспощадного обличителя беззаконий власти.

*И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

О миссии поэта он вещает здесь в торжественно-архаических речениях, придающих мысли особую приподнятость: «...глас... воззвал... и виждь, и внемли (то есть всматривайся и вслушивайся в жизнь мира)... глаголом (в значении – словом)».

Находясь в непосредственном соприкосновении с декабристским движением, Пушкин активно утверждал веру в его идеалы. Так было и когда оно находилось на высоком подъёме:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!
(«К Чаадаеву», 1818).*

Эти вдохновенные слова, несомненно, дают самый яркий и концентрированный художественный образ декабристского движения. Веру в праведность восстания декабристов поэт сохранял и после его поражения.

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье
(«Во глубине сибирских руд...», 1827).*

Пушкину удалось выразить здесь определяющее общественное настроение той поры. Вот почему его послание, пронизанное верой в неизбежное торжество борьбы («*Оковы тяжкие падут, // Темницы рухнут – и свобода // Вас примет радостно у входа...*»), и ответ поэта А. Одёвского от имени декабристов, написанный в той же приподнято-торжественной манере (начинается словами «*Струн вещей пламенные звуки...*», а среди последующих строк – «*Из искры возгорится пламя*»), разошлись в огромном количестве списков.

Попутно имеет смысл напомнить: сами декабристы признавали, что в распространении свободолюбия в России более, чем что-либо, сыграло свою роль творчество Пушкина – в первую очередь имелись в виду называвшиеся выше стихотворения «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву».

Убеждённости в правоте декабристских идей Пушкин сохранил навсегда. В одном из самых последних стихотворений («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836) он с гордостью говорит: «*В мой жестокий век восславил я Свободу*», заодно подтвердив там же неизменный для себя дух бунтарства («*вознесся... главою непокорной*»).

Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если бы стремление к свободе было выражено у него просто и однозначно. При всём своём вольнолюбию он признаёт неизбежность компромиссов.

Примечательна в этом смысле «Сказка о золотом петушке». При явной антимоноархической направленности есть здесь трезвый житейский подтекст («*Сказка ложь, да в ней намёк! // Добрым молодцам урок*»). Один из «намёков» – в печальной истории старого звездочёта, который задумал во что бы то ни стало добиться выполнения царского обещания, на что слышит достаточно резонный ответ Дадона:

«Что ты в голову забрал?
 Я, конечно, обещал,
 Но всему же есть граница.
 И зачем тебе девица?
 Полно, знаешь ли, кто я?
 Попроси ты от меня
 Хоть казну, хоть чин боярский,
 Хоть коня с конюшни царской,
 Хоть полцарства моего».
 – «Не хочу я ничего!
 Подари ты мне девицу,
 Шамаханскую царицу».

Результат такой несговорчивости, как известно, оказался плачевным.

*Царь хватил его жезлом
 По лбу; тот упал ничком,
 Да и дух вон.*

В том же эпизоде у Пушкина первоначально была фраза: «...но с **царями** плохо вздорить». Однако предвидя цензурные затруднения, он в окончательном варианте даёт: «Но с **иным** накладно вздорить». Тоже компромисс, на этот раз – компромисс писательский. И любопытно, что в год создания «Сказки о золотом петушке» (1834) в письме к жене Пушкин размышляет о судьбе сына: «Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет» (1962, с. 171).

Но кроме неизбежных компромиссов с властью было и другое. Да, Пушкин не только сочувствовал движению декабристов, но и всемерно поддерживал его, силой своего слова убеждал в необходимости самой решительной борьбы с самодержавием, утверждал мысль о возможности избавления от крепостничества («Россия воспрянет от сна...»).

Однако, с другой стороны, историческое чутьё подсказывало Пушкину, насколько неосуществима грандиозная идеалистическая затея декабристов, насколько иллюзорны в такой стране чаяния о свободе и всеобщем благе. Именно это навевало на поэта сильнейший пессимизм в его видении перспектив России.

И что поразительно. Тот же пятнадцатилетний отрок, который восклицал: «Я рабство ненавижу... кипит в груди свобода», пишет тогда же полное безнадежности стихотворение «Тень Фонвизина» (1815). Сфантазировав появление призрака выдающегося сатирика, некогда обличавшего пороки с целью их исправления, юный поэт обнаруживает, что всё осталось так, как было во времена оные (*Киприда* – в греческой мифологии ещё одно из имён Афродиты).

*Мертвец в России очутился,
 Он ищет новости какой,
 Но свет ни в чём не переменился.
 Всё идёт той же чередой;
 Всё так же люди лицемерят,
 Всё те же песенки поют,
 Клеветникам как прежде верят,
 Как прежде все дела текут;
 В окошки миллионы скачут,
 Казну все крадут у царя,
 Иным житье, другие плачут.
 И мучат смертных лекаря,
 Спокойно спят архиереи,
 Вельможи, знатные злодеи,
 Смеясь, в бокалы льют вино,
 Невинных жалобе не внемлют,
 Играют ночь, в сенате дремлют,
 Склонясь на красное сукно;
 Всё столько ж трусов и нахалов,
 Рублёвых столько же Киприд,
 И столько ж глупых генералов,
 И столько ж старых волокит.*

Посредством своеобразной игры воображения Пушкин выразил здесь характерное для романтиков разочарование в просветительских идеалах, которые оказались иллюзорными.

Прослушивается также и более существенная, весьма неутешительная мысль о неискоренимости пороков. В контексте подобной настроенности становится понятным появление стихотворения «Свободы сеятель...» (1823).

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...*

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

Это сказано ещё на взлёте движения декабристов, за два с лишним года до поражения их восстания! И пусть не раз ещё у Пушкина вспыхнет пафос непокорства, не раз ещё заявит о себе горячая жажда коренного переустройства страны, но параллельно этому вновь и вновь будут возникать мысли о бесплодности порывов к свободе.

Тем более – ценой стольких жертв, жертв ради неосуществимого. И тем более – в России, где так чревато пробуждать к социальной активности большие людские массы. Чревато неукротимой яростью, реками крови и полыханием пожаров. Как сказано в романе «Капитанская дочка» (1836): *«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»*.

И всё-таки в год 225-летия Александра Сергеевича Пушкина не забудем и нескончаемо светоносное, исходящее от его поэтического наследия. Прежде всего припомним, что при всей своей новизне и грандиозности появление этого истинного светила на небосводе отечественной культуры было событием ожидаемым и закономерным. Быстро нараставшая с середины XVIII столетия сила русской словесности побудила Н. Карамзина за двенадцать лет до рождения поэта выразить предчувствие её расцвета восклицанием:

*О россы! Век грядёт, в который и у вас
Поэзия начнёт сиять, как солнце в полдень
(«Поэзия», 1787).*

В лице Пушкина это солнце взошло, и ему суждено было стать первым русским писателем мирового значения. Мы с полным основанием говорим именно так – мирового. Не только по причине исключительной масштабности гения Пушкина, но и ввиду безусловной сопоставимости его наследия с лучшим из того, что довелось сделать корифеям других национальных школ.

Одно из доказательств этому – высочайшее художественное качество, достигаемое Пушкиным в случаях его обращения к так называемым вечным темам и сюжетам.

Когда ему захотелось высказаться по-своему вслед за «Фаустом» Гёте, он сделал это превосходнейшим образом в драматическом отрывке «Сцена из Фауста».

Примерно то же произошло и в трагедии «Каменный гость», где он вознёс традицию разработки образа Дон Жуана на исключительную высоту (после пьес Тирсо де Молина, Мольера, Гольдони, после оперы Моцарта и поэмы Байрона).

В том же ряду произведений поэта как достойного наследника и полноправного «владельца» богатств мировой культуры стоит его стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

Мы помним, что свой отсчёт традиция поэтических «Памятников» ведёт с 30-й оды Горация (Древний Рим, I в. до н. э.). На почву русской литературы её перенес М. Ломоносов, сделавший перевод (1747), начинавшийся словами *«Я знак бессмертия себе воздвигнул // Превыше пирамид и крепче меди...»*. Позже вольное подражание Горацию находим у Г. Державина.

*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.*

*Так! – весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.*

И наконец, высшего совершенства, кристально ясного выражения мысли и формы «Памятник» достигает у Пушкина.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрейского столпа.*

(«Александрейский столп» – триумфальная колонна на площади перед Зимним дворцом в Петербурге.)

Речь здесь идёт о самом значительном в жизни, поэтому, как часто в таких случаях, поэт широко использует архаические речения («главою... тленья убежит... доколь... пишт... всяк сущий в ней язык»).

В этом итоговом для себя произведении Пушкин выказывает спокойное сознание значимости своего творческого наследия, чем ставит завершающую точку в понимании ценности того, что он делал. Из предшествующих его размышлений на этот счёт можно напомнить шуточный пассаж в «Евгении Онегине».

*Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!*

Уже при жизни Пушкина сотворённое им вошло в духовное существование России огромным и неотъемлемым пластом чувства, мысли, национального менталитета, самой жизни. Характерный штрих: более чем за десятилетие до кончины поэта Н. Языков посылает ему «признание в любви».

*О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее дёвицы пригожей,
Святее царской головы!*

«Святее царской головы!» – нетрудно представить, что значило сказать такое в монархическом государстве сразу после поражения восстания декабристов.

Н. Гоголь, узнав о смерти Пушкина, опечален бесконечно: «Всё наслаждение моей жизни, всё моё высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета... Нынешний труд мой, внушённый им, – его создание». Последние слова относятся к роману-поэме «Мёртвые души». И впоследствии он рассматривал это произведение как «священное завещание» наставника.

По мнению П. Мериме, его любимый писатель был не только величайшим русским, но и наиболее значительным европейским поэтом.

Как бы продолжая эту мысль, выдающийся композитор XX века И. Стравинский, говоря о своём «беспредельном преклонении перед Пушкиным», восторгался универсальностью его гения и выделял то, что «по своей натуре, по складу своего ума, по образу мыслей Пушкин был ярчайшим представителем того замечательного племени, истоки которого восходят к Петру Великому и которому посчастливилось в едином сплаве сочетать все самые типичные русские элементы с духовными богатствами Запада» (1963, с. 132).

И вряд ли будет преувеличением сказать, что Александр Сергеевич Пушкин не только «солнце русской литературы», как нередко именуют его, он – самое высокое и священное имя русской культуры, её недостижимая вершина и негасимый свет.

Как сказал русский религиозный философ И. Ильин, «Пушкин дан нам был для того, чтобы создать солнечный центр нашей истории, чтобы сосредоточить в себе всё необъятное богатство русского духа и вернуть всё это в глаголах бессмертной красоты» (1997, с. 320).

Источники | References

1. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3.
2. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 10. Письма 1831-1837.
3. Стравинский И. Ф. Хроника моей жизни. Л.: Музгиз, 1963.

Информация об авторах | Author information

RU

Демченко Александр Иванович¹, д. иск., проф.

¹ Международный Центр комплексных художественных исследований;
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, г. Саратов

EN

Aleksandr Ivanovich Demchenko¹, Dr

¹ International Center of Complex Artistic Research;
Saratov State Conservatory, Saratov

¹ alexdem43@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.02.2024; опубликовано online (published online): 08.04.2024.

Ключевые слова (keywords): творчество А. С. Пушкина; теньевые ракурсы российского бытия; оптимистические прогнозы; A. S. Pushkin's creative work; shadow aspects of Russian life; optimistic forecasts.